

Тан Сяожуань проснулась, когда луна стояла в самом зените. Ночь была ясной, овейной прохладным ветерком, и ничем не напоминала ту пугающую бурю из её странного сна. А уж о причудливых старинных нарядах и витиеватой речи, которую она слышала во сне, и говорить нечего — боже, она не запомнила ни единого слова!

Девушка невольно посетовала на свою никудышную память. В конце концов, в том сне были две красавицы, причём красавицы древние. Ей смутно припоминалось, будто она смотрела какой-то странный спектакль, и, хотя вид со стороны был необычайно чётким, она понятия не имела, где именно находится. Сейчас, проснувшись от испуга, она видела лишь мягкий свет настольной лампы, бледно-лимонные простыни, одеяло и половинку чашки недопитого молока.

Только теперь она по-настоящему пришла в себя: оказывается, это был всего лишь сон.

Она натянула одеяло, собираясь досмотреть его, но на душе стало беспокойно. Завтрашний день был важным — нужно было ехать к прабабушке на день рождения, — однако в глубине души она втайне надеялась, что этот странный сон продолжится. И не из-за чего-то иного, а хотя бы ради тех двух ослепительных красавиц, чьи личности остались для неё загадкой. Прервать просмотр спектакля на полуслове — это же сплошное разочарование!

Нет-нет, ни в коем случае не подумайте чего дурного. Тан Сяожуань была уверена, что её сексуальная ориентация в полном порядке. В свои двадцать лет она успела повстречаться с двумя парнями — не так уж много, но и не мало. В повседневной жизни у неё не было никаких возвышенных увлечений: поспать подольше, погулять по магазинам, тратя деньги, которые её папа зарабатывал не таким уж и тяжким трудом, ну и, конечно, самое главное — любоваться красотой.

Для Тан Сяожуань красота не имела пола. Пока человек выглядел изысканно и обладал утончённым темпераментом, она с удовольствием на него смотрела. Вся её натура была именно такой: она не питала уважения к мужскому шовинизму, но и феминисткой не была. Её прозвище Сяотан — Маленькая Конфетка — идеально описывало её облик: миловидное личико, большие влажные глаза, маленький изящный носик, а чуть ниже — губы, которые, казалось, от природы всегда были сложены в улыбке.

Когда Тан Сяожуань родилась, её отец был вне себя от радости. И не только потому, что дочь появилась у него после сорока лет. Принимавший роды врач признался, что никогда ещё не видел ребёнка, который начал бы улыбаться сразу же, как только появился на свет! Все в семье Тан, кто сохранил здравый рассудок, не могли налюбоваться на неё: посмотрите на это личико, на эти губки, на эти глаза, полные нежности и смеха. У людей от одного взгляда на неё сердца таяли. Разве можно было медлить с именем? Её так и называли — Тан Сяожуань.

Так благодаря общим усилиям старших и было выбрано это гармоничное имя.

На самом деле, имя было удачным ещё и потому, что даже те, кто был с ней в контрах, вынуждены были произносить его с мягкостью, словно выдавливая из себя нектар. Тан Сяожуань это очень льстило. Даже прабабушка, суровая женщина, при виде которой все

мужчины в роду, включая её собственного отца, замирали в благоговейном страхе, стоило ей только стукнуть своим посохом с драконьей головой, — даже она при встрече с правнучкой растягивала губы в улыбке и ласково звала её Сяожуань.

Раз уж речь зашла о прабабушке, единственной старейшине рода, нельзя не упомянуть о событиях прошлого.

Говорят, среди предков семьи Тан был один необычный человек, обладавший даром общения с духами. Он пользовался большим уважением в округе, всю жизнь прожил в бедности и после смерти оставил лишь несколько пожелтевших книг, которые никто не мог прочесть, кроме прабабушки Тан Юньши, которую прадед привёз из других краёв. Неизвестно, была ли это судьба или её исключительный талант, но, будучи единственной наследницей, способной разобрать эти записи, прабабушка самостоятельно, без чьих-либо наставлений, освоила некоторые магические искусства. Во времена хаоса и войн она по нескольким косточкам указывала людям путь к спасению, а нарисовав пару непонятных символов, изгоняла призраков из дома богатого землевладельца, зарабатывая на пропитание. Так она спасла всю свою семью от гибели в огне войны и голодной смерти.

Была и ещё одна история.

Во времена Культурной революции у одного партийного комиссара, единственного сына в семье, родился долгожданный наследник. Однако младенец с самого рождения не плакал, не кричал и отказывался от еды, лишь уставившись на отца тяжёлым, пронзительным взглядом. Говорят, лицо у ребёнка было синюшным, полным затаённой злобы, и он пытался ползать, опираясь на все четыре конечности, словно намереваясь наброситься на родного отца и вцепиться ему в горло. Комиссар, изначально хотевший взять сына на руки, пришёл в ужас от такого зрелища, а увидев в глазах младенца лютую ненависть, словно тот жаждал разорвать его на куски, покрылся холодным потом и в страхе убежал.

Три дня он не решался войти в комнату. До него доносились слухи, что сын ни к чему не притрагивается — ни к материнскому молоку, ни к коровьему, ни к рисовой каше. Он ничего не ел, словно объявил голодовку, как взрослый. Приходил фельдшер, измерял температуру, осматривал тело — всё было в норме, и врач лишь разводил руками. Семья втайне начала подозревать, что ребёнок одержим злыми духами, но в присутствии комиссара, ярого борца с суевериями, никто не смел об этом заикнуться.

Спустя три дня ребёнок был уже на грани смерти. Жена комиссара, ещё не оправившаяся после родов, рыдала и билась в истерике. В конце концов, мать комиссара, не выдержав страданий внука, втайне от сына, уехавшего по делам, отправилась к Тан Юньши с просьбой о помощи. Прабабушка, разумеется, отказалась. Дело было не в страхе перед духами — в те времена самыми страшными были люди. Стоило кому-то узнать, что ты занимаешься подобными вещами, как тебя тут же могли утащить на публичную казнь, и никто бы не пришёл на помощь. Но бабушка комиссара взмолилась, клялась, что укроет её от непутёвого сына, плакала и стояла на коленях, пока прабабушка наконец не кивнула.

Ночью, как и договаривались, прабабушка пришла в дом. Едва переступив порог, она

нахмурилась: комиссар пренебрёг всеми запретами, посадив во дворе большую софору. В ночном ветре её ветви шелестели, а у корней клубилась густая чёрная аура. Войдя в комнату и взглянув на ребёнка, прабабушка вздрогнула. Между бровей младенца залегла чернота, лицо было мертвенно-бледным. Несмотря на слабость, при виде прабабушки он уставился на неё взглядом, в котором читалась душа взрослого человека. Было очевидно: в него вселился злой дух.

Одержимость бывает двух видов. В первом случае ребёнок рождается мёртвым, и блуждающий дух занимает его тело, словно кукушка чужое гнездо. Изгнание духа в этом случае приводит к окончательной смерти младенца, тело которого тут же синеет и коченеет.

Во втором случае ребёнок жив, но дух смутил его сознание, разорвав связь души с телом. Тогда сначала нужно изгнать духа, а затем вернуть потерянные частички души обратно.

Прабабушка, несмотря на свои знания, не могла сразу определить, с чем имеет дело. Если это первый вариант, и она изгонит духа, ребёнок умрёт — и кто поверит, что это была не её вина?

Прабабушка нахмурилась, и мать с бабушкой ребёнка в ужасе упали на колени. Выслушав объяснения, бабушка ребёнка стиснула зубы и сказала: — Старая сестра, я верю вам. Лечите, не бойтесь. Если что-то случится, я возьму всю вину на себя! — Она схватила бумагу и быстро написала: Мой внук тяжело болен, Тан Юньши лишь проверяет пульс. Если внук мой умрёт, никто не будет нести ответственности перед законом! — Поставив отпечаток пальца, испачканного в ламповом масле, она протянула бумагу и больше не проронила ни слова.

<http://bllate.org/book/19154/1880929>